

## ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МОЕЙ ЖИЗНИ.

### Даргинскій походъ.

1845.

6 Мая 1845 года, вечеромъ, главнокомандующій отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и войсками, на Кавказѣ находившимися, графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ прибылъ со свитою, въ составъ которой и я находился, въ станицу Червленную. Здѣсь ожидали его для участвованія въ предстоявшемъ походѣ: принцъ Александръ Гессенскій, братъ Цесаревны Маріи Александровны, адъютантъ Наслѣдника Цесаревича князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, флигель-адъютанты: князь Федоръ Ивановичъ Паскевичъ, графъ Александръ Строгановъ и князь Эмилій Витгенштейнъ; при принцѣ Александрѣ Гессенскомъ состоялъ, въ качествѣ ментора, гвардіи капитанъ Самсоновъ. Прибытіе всѣхъ этихъ представителей высшей военной аристократіи объяснялось важною предполагаемаго похода и серьезностію ожидавшихся военныхъ дѣйствій.

Имѣю основаніе думать, что первое извѣстіе о разрѣшеніи Императоромъ Николаемъ принцу Гессенскому участвовать въ экспедиціи, предметомъ которой было взятіе аула Дарго (мѣстопребываніе Шамиля), не произвело на графа Воронцова пріятнаго впечатлѣнія: предвидя опасности, которымъ могъ подвергаться любимый братъ Цесаревны (тогда пылкій юноша), графъ Воронцовъ весьма естественно оцѣнивалъ отвѣтственность, которую возлагало на него присутствіе принца въ отрядѣ. Но къ чести молодого принца должно сказать, что онъ своимъ поведеніемъ вполне примирилъ главнокомандующаго со своимъ присутствіемъ; держалъ онъ себя скромно и почтительно къ начальству; лично храбрый, онъ не разъ подвергался искать опасности въ передовыхъ рядахъ, но всегда безусловно подчинялся требованію оставаться въ ближайшемъ къ главному начальнику разстояніи. Опасностей онъ не миновалъ, ибо никто изъ участвовавшихъ въ походѣ ихъ не избѣгнулъ; но, оставивъ о себѣ память храбраго юноши, онъ вышелъ невредимъ изъ похода, по справедливости награжден-

ный орденомъ Св. Георгія 4-го класса. Изъ другихъ столичныхъ гостей князь Барятинскій былъ, при окончательномъ выступленіи въ походъ, назначенъ къ командованію 3-мъ баталіономъ Кабардинскаго полка, а бывший ранѣе этого въ распоряженіе главнокомандующаго флигель-адъютантъ, графъ Константинъ Константиновичъ Бенкендорфъ, получилъ подобное назначеніе въ Куринскомъ полку.

Изъ станицы Червленной графъ Воронцовъ выѣхалъ 8-го Мая, съ небольшою свитою, въ Кизляръ, а оттуда въ Темиръ-Ханъ-Шуру, для свиданія съ командовавшимъ войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, княземъ Васильемъ Осиповичемъ Бебутовымъ; большая же часть штаба, въ томъ числѣ и я, осталась въ Червленной до 14-го Мая. Въ продолженіе этого обязательнаго досуга имѣлъ я случай познакомиться съ Червленскою станичною жизнью. Отличалась она въ то время порядочнымъ разгуломъ. Бахусу и Афродитѣ приносились почти ежедневныя жертвы; жрецами обонихъ божествъ была блестящая военная молодежь, а красивыя казачки охотно платили дань на алтаряхъ богини.

14-го Мая оставшееся въ ст. Червленной общество тронулось, черезъ ст. Щедринскую, къ переправѣ черезъ Терекъ у Амиръ-Аджи-Юрта. Здѣсь угостилъ насъ обѣдомъ командиръ Люблинскаго полка (принадлежавшаго къ составу 5-го корпуса) полковникъ Липскій; совершилъ онъ съ полкомъ своимъ и весь походъ, оставивъ по себѣ память не столько военнаго дѣятеля, сколько гостепріимнаго хлѣбосола. Переправа черезъ Терекъ въ то время совершалась на паромехъ, ибо мостовъ не существовало (крайнее это неудобство было устранено въ слѣдующемъ же году постройкою двухъ мостовъ, одного у станицы Николаевской выше Червленной, другаго тутъ же у Амиръ-Аджи-Юрта). На правомъ берегу Терека былъ расположенъ временно лагерь одной бригады 5-го корпуса, подъ начальствомъ генералъ-маіора Константина Яковлевича Бѣлявскаго; привѣтливо принявъ и угостивъ наше штабное общество, онъ охотно повторялъ сочиненную имъ, на скучной стоянкѣ, поговорку: „Не отраднo быть отряднымъ“. Генералъ Бѣлявскій оказался блестящимъ авангарднымъ начальникомъ; личная его храбрость увлекала впередъ ввѣренныя ему войска и преодолевала всякія препятствія; но не умѣлъ онъ умѣрять свои порывы и, идя все впередъ, легко забывалъ, что за нимъ слѣдуетъ колонна, которая быстро двигаться не можетъ, но связь съ которою сохранять необходимо.

На слѣдующій день прибыли мы къ Кумыкскому аулу Ташъ-Китчу, при которомъ существовало небольшое укрѣпленіе; здѣсь назначено было ожидать прибытія главнокомандующаго, которое состоялось 18 Мая.

Въ Ташъ-Китчу пребываніе наше продолжилось до 28 Мая; время это употреблено было военнымъ начальствомъ для окончательныхъ распоряженій къ открытію похода, а многочисленно собравшеюся штабною молодежью для ближайшаго другъ съ другомъ знакомства, на вечеринкахъ, вокругъ дымящейся джонки.

Наконецъ, 28 Мая, мы, подъ прикрытіемъ кавалерійскаго конвоя, отправились къ крѣпости Внезапной, гдѣ былъ собранъ дѣйствующій отрядъ, подъ начальствомъ командира 5-го корпуса, генерала Лидерса; на полпути, у рѣчки Ярыкъ-Су мы застали прибывшую туда бригаду генерала Бѣлявскаго.

31-го Мая утромъ, по отслуженіи молебствія, дѣйствующій отрядъ выступилъ въ походъ. Прошли мы въ этотъ день 18 верстъ до рѣки Сулака, на берегу которой были остатки разореннаго тогда селенія Чиръ-Юртъ. Мѣстность эта въ то время была совершенно пустынная и, за отсутствіемъ моста черезъ быстрый Сулакъ, составлявшій границу между землями, входившими въ составъ Сѣвернаго Дагестана и лѣваго фланга Кавказской линіи, сообщеніе между этими двумя отдѣлами было крайне затруднительно. Неудобство это было устранено въ слѣдующемъ же, если не ошибаюсь, 1846 году устройствомъ постоянного моста, для защиты котораго, независимо отъ двухъ башенъ на его оконечностяхъ, выстроено на правомъ берегу укрѣпленіе; нѣсколько позже была переведена туда же штабъ-квартира Нижегородскаго драгунскаго полка.

1-го Іюня отрядъ сдѣлалъ весьма незначительный переходъ, вверхъ по Сулаку, по лѣвому его берегу до мѣста, гдѣ были развалины бывшаго Мятлинскаго укрѣпленія и существовавшего тутъ же довольно большаго аула. О благосостояніи жителей этого бывшаго поселенія можно было судить по остаткамъ обширныхъ фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ. Около Мятлы существовалъ бродъ черезъ Сулакъ; для защиты этого брода и было воздвигнуто укрѣпленіе, слѣды котораго мы застали.

2-го Іюня отрядъ поднялся на такъ называемыя Хубарскія высоты; проходили мы по роскошнымъ лѣсамъ и пастбищамъ, не встрѣчая ни одной человѣческой души. По мѣрѣ того какъ мы поднимались раскрывались

передъ глазами нашими прекрасные виды, а когда мы дошли до мѣста почлега, около развалинъ раззореннаго аула Хубары, то взоръ обнимал всю Кумыкскую плоскость, на оконечности которой видѣлось Каспійское море.

3-го Іюня, въ 5 верстахъ отъ Хубары, встрѣтили мы отрядъ, подъ начальствомъ командующаго войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, князя Бебутова, прибывшій изъ Темиръ-Ханъ-Шуры на присоединеніе съ главнымъ отрядомъ и для совокупнаго съ нимъ дѣйствія. Отрядъ этотъ располагался, въ ожиданіи прибытія нашего, лагеремъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ, въ прошедшемъ 1844 году, стоялъ лагеремъ съ дѣйствовавшимъ отрядомъ генералъ-адъютантъ Нейдгартъ. Экспедиція 1844 года, какъ извѣстно, не имѣла практическихъ результатовъ; подробности оной и причины ея неуспѣшности извѣстны людямъ военнымъ; о нихъ судить не дѣло гражданскаго походнаго туриста. Съ мѣста расположенія лагеря Дагестанскаго отряда было ясно видно урочище Бортунай, гдѣ въ прошломъ году стоялъ лагеремъ Шамиль, котораго въ этой позиціи, прикрытой глубокимъ Теренгульскимъ оврагомъ, генералъ Нейдгартъ съ фронта атаковать не рѣшился. Теперь на этомъ мѣстѣ никакой непріятельской силы не показывалось, хотя замѣтны были слѣды недавней тутъ стоянки. Теренгульскій оврагъ, глубокій, съ обѣихъ сторонъ заросшій густымъ лѣсомъ, очевидно представлялъ чрезвычайно выгодную для обороны мѣстность, и хотя на противоположномъ его берегу непріятель отсутствовалъ, но нельзя было быть увѣреннымъ, что какая-нибудь партія горцевъ не засѣла въ лѣсномъ оврагѣ, чтобы воспрепятствовать, по возможности, безопасному переходу нашихъ войскъ. Во всякомъ случаѣ, тутъ всякая потеря времени представлялась неудобною, а потому, хотя уже была вторая половина дня, рѣшено немедленно приступить къ переходу черезъ Теренгуль. Въ видѣ передовой цѣпи была направлена Грузинская пѣшан дружина; за нею послѣдовали Апшеронцы, принадлежавшіе въ составу Дагестанскаго отряда. Къ счастью оврагъ оказался незанятымъ, и переходъ могъ совершиться безпрепятственно, насколько это касалось непріятеля; но естественныя трудности, которыя пришлось побороть, вслѣдствіе крайней крутизны спуска, а потомъ подъема, увеличившіяся еще отъ разразившейся въ это время грозы съ проливнымъ дождемъ, были настолько велики, въ особенности при переправѣ артиллеріи и тяжестей, что только съ величайшимъ трудомъ весь соединенный отрядъ могъ до ночи окончить переходъ черезъ оврагъ и стать лагеремъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ незадолго находился станъ Шамиля.

4-го Іюня данъ былъ войскамъ отдыхъ.

5-го Іюня—день памятный, ибо произошла первая встрѣча съ непріятелемъ. Главнокомандующій съ отрядомъ изъ 5 бат. пѣхоты и 500 чел. Грузинской милиціи, при четырехъ горныхъ орудіяхъ, предпринялъ рекогносцировку по направленію къ высотамъ Саухъ-Булахъ и къ урочищу Кирки; присоединился и я къ свитѣ. День былъ ясный; шли мы по мѣстности открытой, безлѣсной, пересѣченной небольшими оврагами. Пройдя, быть можетъ, верстъ 7 или 8, мы очутились на краю глубокой впадины, на днѣ которой видѣлось урочище Кирки; противъ насъ по ту сторону впадины возвышалась крутая гора Анчемиръ; господствовала она надъ довольно узкимъ ущельемъ, по которому проходила дорога изъ Кирки въ Мичикалъ и въ Андію. Была эта именно та дорога, по которой приходилось намъ въ послѣдствіи проходить. По донесеніямъ лазутчиковъ дорога эта къ Мичикалу была укрѣплена завалами, гора же Анчемиръ была занята непріятельскимъ отрядомъ. Осмотрѣвъ мѣстность, главнокомандующій рѣшился немедленно сбить непріятеля съ Анчемирской горы. Исполненіе этой, на видъ весьма нелегкой, задачи было возложено на извѣстнаго своею отвагою и рѣшимостью генерала Пассека; въ его распоряженіе были назначены: батальонъ Куринскаго полка, подъ командою графа Бенкендорфа и часть пѣшей Грузинской милиціи, подъ начальствомъ князя Левана Ивановича Меликова; въ послѣдствіи части эти были подкрѣплены изъ бывшаго съ нами отряда. Быстро спустились Куринцы и милиціонеры къ Кирки, и затѣмъ, недолго отдохнувши, стали смѣло карабкаться на крутую Анчемирскую гору. Сидѣли мы всѣ, кто на травѣ, кто на камняхъ, точно зрители въ амфитеатрѣ, съ сердечнымъ трепетомъ и участіемъ слѣдя за движеніями нашихъ молодцевъ; соперничали Куринцы и Грузины, кто скорѣе достигнетъ вершины горы, а начальники ихъ и офицеры старались держаться во главѣ своихъ частей. Непріятель, очевидно, былъ застигнутъ врасплохъ и не ожидалъ столь внезапнаго нападенія; видно было съ нашего бельведера, какъ онъ на горѣ засуетился, какъ выходили скрытыя вершиною группы, дабы воспротивиться нашимъ войскамъ. Стали они стрѣлять въ поднимавшихся; но, при крутизнѣ горы, выстрѣлы эти были безвредны. Когда же передовые наши люди начали всходить на верхнюю часть горы, то непріятель не выдержалъ натиска и обратился въ бѣгство; гора была занята при крикѣ „ура“, которому вторили мы всѣ изъ нашего обсерваціоннаго пункта \*).

\*) За Анчемирское дѣло графъ Бенкендорфъ и князь Меликовъ были награждены орденами Св. Георгія 4-й степени.

однако храбрый Пассекъ на этомъ простомъ выполненіи возложенной на него задачи: со свойственною ему пылкостью, преслѣдуя бѣгущаго непріятеля и заставивъ его тутъ же очистить всѣ завалы, устроенные имъ на дорогѣ къ Мичикале, онъ дошелъ до вершины довольно высокой горы, гдѣ и расположился бивуакомъ. Но это увлеченіе не обошлось даромъ; въ послѣдующіе дни на этой горѣ застигла отрядъ такая стужа, что, къ сожалѣнію, не обошлось безъ отмороженныхъ ногъ и рукъ. Поэтому солдаты гору эту прозвали „холодною“. Пришлось отряду пять дней простоять на этой возвышенности, безъ палатокъ и съ крайнимъ трудомъ добывая, въ безлѣсной этой мѣстности, скудныя дрова для варки пищи. Пересолилъ тутъ, кажется, храбрый Пассекъ, превысивъ данное ему наставленіе; но отступать не приходилось; выдержали это испытаніе войска съ обычною своею стойкостью, и не пали духомъ и Грузинскіе милиціонеры.

Подкрѣпивъ отрядъ генерала Пассека всѣми свободными наличными силами, главнокомандующій, послѣ окончательнаго занятія горы Анчемиръ, въ сопровожденіи своей свиты, возвратился въ лагерь подъ Бортунаемъ.

6-го Іюня утромъ, весь отрядъ тронулся и, идя по тому же направленію, по которому наканунѣ производилась рекогносцировка, спустился въ котловину, около урочища Кирки; вблизи онаго были остатки укрѣпленія „Удачнаго“, выстроеннаго генераломъ Граббе, если не ошибаюсь, въ 1839 году, во время похода на Ахульго. Около Кирки отрядъ простоялъ три дня, отдѣливъ отъ себя войска изъ Дагестанскаго отряда, подъ начальствомъ князя Бебутова, для занятія Мичикале, и для очистки туда пути отъ брошенныхъ непріателемъ, 5-го Іюня, заваловъ, а также для установленія сношеній съ отрядомъ генерала Пассека. Трехдневная стоянка въ Кирки оправдывалась преимущественно тѣмъ, что тутъ устраивался главный вагенбургъ или опорный пунктъ на коммуникаціонной линіи дѣйствующаго отряда съ Темиръ-Ханъ-Шурою. Хотя календарь указывалъ начало лѣта, мы, въ продолженіи трехъ дней, испытывали всѣ неудобства зимняго похода: шелъ снѣгъ, смѣшанный съ дождемъ; въ палаткахъ, не только солдатскихъ, но и офицерскихъ, было холодно и сыро; приходилось прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ согрѣванія, преимущественно внутреннимъ, для чего штабною молодежью варилась джонка чуть ли не цѣлый день.

10-го Іюня былъ совершенъ 8-верстный переходъ до урочища Мичикале; дорога, по весьма отъ природы живописному ущелью, была до того испорчена какъ бывшими сильными дождями, такъ и непріятельскими при-

готовленіями въ оборонѣ, что часто и одиночному ѣздоку нелегко было бы по ней пробираться. Какъ тутъ удалось провести артиллерію и тяжести, казалось непонятнымъ; что было бы, еслибы эту дорогу пришлось брать съ бою! Достаточно было по ней проѣхать, чтобъ убѣдиться въ пользѣ, которую принесло дѣло 5-го Іюня.—Отъ Мичикале двинулись далѣе соединенные отряды, Дагестанскій и главный. Въ Кирки было оставлено нѣсколько батальоновъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Кудашева, для охраненія вагенбурга.

11-го, 12-го и 13-го Іюня продолжалось движеніе впередъ, по направленію къ Анди, черезъ Гумбетъ. Погода стояла переменчивая, часто ненастная; непріятель нигдѣ не показывался, и населенія никакого не встрѣчалось. 13-го Іюня отрядъ стоялъ лагеремъ въ виду высокаго хребта, отдѣляющаго земли Гумбетовскія отъ Андійскихъ; горный кряжъ этотъ перерѣзывался однимъ узкимъ проходомъ, который носилъ названіе „Андійскихъ воротъ“. Издали было видно, что онъ былъ укрѣпленъ каменнымъ заваломъ; но никакихъ защитниковъ его замѣчаемо не было. Лазутчики предупреждали, что не только этотъ завалъ былъ оставленъ, но что и все Андійское населеніе выведено Шамилемъ изъ своихъ жилищъ, которыя преданы пламени. Шамиль, по видимому, все отступалъ, оставляя за собою одну пустыню и пожарища.

14-го Іюня утромъ, весь отрядъ двинулся въ Андійскимъ воротамъ; показаніе лазутчиковъ подтвердилось: завалъ, крѣпко устроенный, оказался незанятымъ. Съ этого мѣста открывался обширный видъ на просторную, изрѣзанную второстепенными отрогами, котловину, гдѣ до того, въ нѣсколькихъ аулахъ, спокойно проживало Андійское общество, занимавшее преимущественно овцеводствомъ, пользуясь благосостояніемъ и снабжая Дагестанъ и даже Тифлисскій рынокъ извѣстными Андійскими бурками, которые донинѣ считаются лучшими. На сколько достигалъ глазъ, не было видно ни одной человѣческой души; царил мертвая тишина. Спустившись въ котловину, мы дошли до большаго селенія Гогатль; представляло оно груду развалинъ отъ недавно сожженныхъ каменныхъ домовъ; немалое число ихъ были двухъ-этажные; сожжена была и большая мечеть, стѣны которой были украшены довольно изящною рѣзбою. Все свидѣтельствовало о богатствѣ населенія, здѣсь проживавшаго.

Близъ деревни главная колонна остановилась на привалъ, пока авангардъ, подъ начальствомъ генерала Клуге-фонъ-Клугенау, подвигался впередъ для занятія другой деревни „Анди“. Горизонтъ впереди насъ замы-

кался хребтомъ, который запиралъ Андійскую котловину съ противоположной, отъ прихода нашего, стороны; на вершинѣ этого хребта смутно виднѣлась двигавшаяся толпа. Недолго пришлось отдыхать намъ на привалѣ; послышались ружейные выстрѣлы, скоро участвовавшіеся; очевидно было, что завязалось дѣло. Главнокомандующій, не медля, сѣлъ на лошадь и усиленною рысью поѣхалъ по направленію откуда слышались выстрѣлы. Вся свита послѣдовала за нимъ. Обстоятельства скоро разъяснились: оказалось, что въ главѣ авангарда шелъ 3-й батальонъ Кабардинскаго полка, подъ командою князя Барятинскаго, и часть Грузинской милиціи, подъ начальствомъ князя Александра Эрнстова. Дойдя до ручья, который протекалъ у подошвы выше упомянутаго хребта, и увидѣвъ на вершинѣ онаго непріятельскій отрядъ, при нѣсколькихъ значкахъ, князь Барятинскій, увлекаемый одною юношескою смѣлостью, не ожидая никакихъ приказаній, повелъ часть своего батальона и за ней и Грузинскую милицію на приступъ этого хребта. Предпріятіе это можно было назвать болѣе нежели рискованнымъ, если принять во вниманіе сравнительную малочисленность атаковавшей силы, на первое время никѣмъ не поддержанной (ибо остальная часть авангарда еще не подходила), равнымъ образомъ топографическую трудность мѣстности и совершенную неизвѣстность о численности атакуемаго непріятеля. Оказалось въ послѣдствіи, что тутъ стоялъ самъ Шамиль съ отрядомъ около 6,000 человекъ, наблюдая за движеніями нашего главнаго отряда. Но не даромъ говорить пословица „смѣлымъ Богъ владѣетъ“. Атака, поведенная со смѣлостью, которую теорія военнаго искусства назвала бы опрометчивостью, увѣнчалась полнымъ, неожиданнымъ успѣхомъ; пользуясь крутизною горы и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что на ней жителями были устроены искусственныя террасы, на которыхъ производились посѣвы, храбрые Кабардинцы и Грузины, подъ прикрытіемъ этихъ террасъ, ограждавшихъ ихъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, карабкались на высоту. Непріятель, не имѣя возможности, по условіямъ мѣстности, съ выгодною пользоваться противъ наступающихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, кидалъ въ нихъ камнями, которые онъ заблаговременно подготовилъ; но, хотя и было нѣсколько ушибленныхъ ими солдатъ и милиціонеровъ, бѣольшая часть камней перелетала черезъ головы наступающихъ. Одинъ только разъ мюриды Шамяи попытались, въ рукопашномъ бою, сбросить горсть смѣльчаковъ. Атаковали они, въ пашки, шедшую впереди 7-ю роту; но Кабардинцы не оплошали: они выдержали натискъ и отбросили мюридовъ, которые уже не повторяли атаки. Непріятель очистилъ хребетъ и довольно поспѣшно отступилъ. Трудно предположить, чтобы та-

кой быстрый и рѣшительный успѣхъ былъ бы достигнутъ, еслибы Шамиль зналъ, что имѣетъ дѣло съ горстью людей, которую батальонный командиръ, самопроизвольно и безъ вѣдома даже начальника авангарда, повелъ на приступъ горы, защищенной нѣсколькими тысячами людей. Озадачила его, вѣроятно, смѣлость нападенія и, видя подходившія къ мѣсту боя главныя силы, онъ предположилъ, что веденная атака была только началомъ болѣе важнаго предпріятія. Потеря наша была незначительна, по числительности раненыхъ и убитыхъ; но общее сожалѣніе вызвала смерть храбраго командира 7-й роты Кабардинскаго полка, Маевского: онъ палъ во главѣ своей части, во время рукопашнаго боя, который она выдержала. Самъ князь Барятинскій былъ легко раненъ въ ногу. Когда мы подѣхали къ подошвѣ горы, гдѣ стоялъ генералъ Клугенау съ главною частью авангарда, дѣло было уже окончено; встрѣтилъ онъ главнокомандующаго словами: „побѣдителя не судятъ“. День окончился радостно; главные виновники успѣха, князя Барятинскій и Эрстовъ, удостоились за это дѣло награжденія орденами Св. Георгія 4-й степени.

Лагерь главнаго отряда былъ разбитъ между селеніями Гогатъ и Анди. При совершенномъ безлѣсьи этого края, приходилось, для варки пищи, выбирать изъ домовъ весь оставшійся въ оныхъ лѣсной матеріалъ; когда таковой истощился въ двухъ названныхъ селеніяхъ, то отправлялись команды для сбора его въ другихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ аулахъ, также раззоренныхъ самими жителями.

Пребываніе наше въ Анди продолжилось отъ 14-го Іюня до 6-го Іюля. Причиною такой продолжительной стоянки была необходимость прочнаго установленія коммуникаціонной линіи съ главнымъ базисомъ, который былъ въ Темиръ-Ханъ-Шуръ и затѣмъ въ Кирки. Изъ этихъ мѣстъ отрядъ снабжался провіантомъ и артиллерійскими снарядами; по этому же пути отправлялись курьеры и содержалось сообщеніе съ остальнымъ міромъ. Въ виду предстоявшаго движенія впередъ, къ Дарго, признано было нужнымъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ имѣть небольшія полевые укрѣпленія, какъ опорныя пункты для командъ, конвоирующихъ транспорты. Такихъ укрѣпленій было устроено: одно вблизи нашей лагерной стоянки, другое за Андійскими воротами въ Гумбертъ и, если память мнѣ не измѣняетъ, еще третье въ Мичихалѣ. Необходимость прочнаго охраненія коммуникаціонной линіи наглядно выказалась, когда, черезъ нѣсколько дней послѣ нашего прихода въ Анди, начальникъ Дагестанскаго отряда, князь Бебутовъ, отправляясь подъ сильнымъ конвоемъ обратно въ Темиръ-Ханъ-Шуру (гдѣ онъ

долженъ былъ руководить распоряженіями по снабженію главнаго отряда всѣмъ необходимымъ) былъ, недалеко отъ Мичикале, атакованъ непріятельскою партіею, которая, пользуясь густымъ туманомъ, такъ неожиданно совершила нападеніе, что князь Бебутовъ подвергнулся личной опасности.

Въ продолженіе трехъ-недѣльнаго пребыванія въ Анди однообразность лагерной жизни была прерываема нѣкоторыми военными прогулками. Такъ 16-го и 30-го Іюня были производимы рекогносцировки по пути къ Дарго; вторая изъ нихъ довела насъ до перевала, отъ котораго начинался спускъ въ Ичкерію. Открывался отъ этого мѣста обширный, великолѣпный видъ: у ногъ нашихъ растиалась вся Ичкерія и Чечня. На первомъ планѣ видѣлся лѣсъ, за которымъ, на небольшой полянѣ, домъ аула Дарго; далѣе Ичкеринскій лѣсъ, печально памятный экспедиціе генерала Граббе, въ 1842 году, и долина Аксан; еще въ большемъ отдаленіи Качкалыковскій хребетъ, за нимъ Кумыкская плоскость, а въ лѣво оттуда взоръ доходилъ до Ханкальскаго ущелья и даже до Терека. Пока, во время двухчасоваго привала, военачальники наши были, по всей вѣроятности, заняты иными думами нежели созерцаніемъ прелестей природы, я, не посвящаемый въ стратегическія и тактическія тайны, имѣлъ полный досугъ налюбоваться столько же величественною, сколько очаровательною картиною. Другаго рода военная прогулка была совершена 20-го и 21-го Іюня съ отрядомъ въ 8 батальоновъ пѣхоты, при кавалеріи и милиціи, по направленію къ сосѣднему съ Анди обществу Чарбили. Прогулка эта имѣла цѣлью ознакомиться съ характеромъ мѣстности, до того неизвѣданной, а также очистить ближайшее наше сосѣдство отъ непріятельскихъ партій, тутъ появившихся. Прогулка началась съ небольшого авангарднаго кавалерійскаго дѣла. Авангардъ, состоявшій преимущественно изъ казаковъ, подъ начальствомъ давно извѣстнаго на Кавказѣ генерала Безобразова, встрѣтилъ, при подъемѣ на гору, небольшую непріятельскую партію, котораго, завязавъ довольно безвредную перестрѣлку, очень скоро обратилась въ бѣгство и, слабо преслѣдуемая, исчезла изъ глазъ. Послѣ этого вѣзвода шествіе наше, по весьма живописной мѣстности, нѣмѣло не было тревожимо; къ вечеру 20 числа, мы дошли до небольшого озера: явленіе рѣдкое въ бѣдномъ озерами Дагестанѣ. Тутъ ночь была проведена на бивуакѣ, а на слѣдующій день отрядъ возвратился въ Анди, по тому спуску, который князь Барятинскій атаковалъ 14-го Іюня; на хребтѣ лежало еще много камней, подготовленныхъ тутъ непріятелемъ, для метанія въ наши войска.

Не смотря на совершенное отсутствіе въ окрестностяхъ расположенія нашего лагеря какого нибудь непріятельскаго отряда, мелкія воровскія шайки не оставляли насъ въ полномъ покоѣ; такъ 23 Іюня передъ разсвѣтомъ 30 лошадей изъ отряднаго табуна были угнаны такою смѣлою шайкою. Но въ ночь съ 5-го на 6-е Іюля было совершено единичное воровство, которое, по дерзости своей, выходило изъ ряда обыкновенныхъ. Какой-то Чеченецъ явился въ нашъ лагерь, выдавая себя за перебѣщика и предлагая свои услуги въ качествѣ лазутчика; онъ такъ ловко и удачно разыгралъ свою роль и такое внушилъ къ себѣ довѣріе, что былъ помѣщенъ при конвоѣ главнокомандующаго. Передъ разсвѣтомъ 6-го Іюля, т. е. дня нашего выступленія въ Дарго, пользуясь тѣмъ, что около коновязи, гдѣ стояли собственныя лошади главнокомандующаго, вся прислуга спала, Чеченецъ отвязалъ заранѣе высмотрѣнную имъ, лучшую лошадь графа Воронцова и на ней успѣшно ускакалъ, конечно для того, чтобы дать знать Шамилю о выступленіи нашемъ; его смѣлости мы безъ сомнѣнія были обязаны тѣмъ, что застали непріятеля въ полной готовности для встрѣчи отряда на пути въ Дарго. Любопытно и то, что лошадь эта, по прозвищу „Мальчикъ“, черезъ нѣсколько лѣтъ возвратилась къ первому своему владѣльцу: она была выкуплена у одного изъ наибовъ Шамилевскихъ, который ее приобрѣлъ отъ ловкаго вора.

Къ 5-му Іюля полевые укрѣпленія въ Анди и Гумбетѣ были возведены. Въ каждомъ изъ нихъ было, сколько мнѣ помнится, оставлено по одной ротѣ; начальникомъ въ Андійскомъ укрѣпленіи былъ назначенъ храбрый и распорядительный полковникъ Бельгардъ; ему поручено направленіе транспортовъ, которые имѣли прибывать, для снабженія отряда въ Дарго, гдѣ тогда предполагалось пребыть нѣкоторое время.

Судьба однако рѣшила иначе.

6-го Іюля, въ 5 часовъ утра, дѣйствующій отрядъ выступилъ изъ Анди; около 9 часовъ онъ достигъ перевала, до котораго доходила рекогносцировка, произведенная 30-го Іюня. Отсюда начинался спускъ къ Дарго. Въ разстояніи не болѣе, примѣрно, полуверсты, на первомъ уступѣ начинался лѣсъ, окаймлявшій съ обѣихъ сторонъ довольно узкій горный отрогъ; за нимъ, ниже, виднѣлась поляна на берегу рѣки Аксая; далѣе въ аулѣ Дарго горѣли дома. Послѣ небольшого привала двинулся авангардъ, подъ начальствомъ генерала Бѣлявскаго; состоялъ онъ изъ войскъ 5-го корпуса, имѣя во главѣ батальонъ Литовскаго полка; за авангардомъ слѣдовала главная колонна, подъ командою генерала Клуге-фонъ-

Клугенау; арріергардомъ начальствовалъ испытанный въ Кавказскихъ бояхъ генералъ Лабинцовъ. По бокамъ главной колонны, имѣя назначеніемъ содержать связь между авангардомъ и арріергардомъ, шли цѣпи правая и лѣвая; первую велъ командиръ Кабардинскаго полка, полковникъ Козловскій, вторую командиръ Куринскаго полка, баронъ Меллеръ-Закомельскій. До того молчаливый лѣсъ скоро огласился ружейными выстрѣлами и криками „ура“ наступавшаго авангарда. Вскорѣ двинулась и главная колонна, прикрывая артиллерію и обозъ; во главѣ ея слѣдовалъ главнокомандующій во своимъ штабомъ и свитою. Подъѣзжая къ лѣсу, мы уже встрѣтили выходящихъ и выносимыхъ легко и тяжело раненыхъ; въ числѣ первыхъ былъ адъютантъ главнокомандующаго, князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ, раненый въ ногу; ѣхалъ онъ верхомъ. Дорога въ лѣсу оказалась крайне узкая, не шире нѣсколькихъ сажени; по обѣ стороны крутые обрывы, заросшіе лѣсомъ. Скоро пришлось убѣдиться, что связь между авангардомъ и цѣпами была прервана и что первый, выбивая непріятеля изъ устроенныхъ поперекъ дороги, одинъ за другимъ, заваловъ, увлекся впередъ, не соразмѣряя своего шага съ движеніемъ колонны. Нагляднымъ тому доказательствомъ послужило то, что, дошедши до узкаго перешейка черезъ перерѣзывавшій дорогу оврагъ, мы нашли, что онъ защищенъ заваломъ, занятымъ непріятелемъ; пропустивъ авангардъ, онъ въ тылу его опять возвратился къ чрезвычайно выгодному для обороны мѣсту. Приходилось вторично вытѣснять его; онъ же, пользуясь густотою лѣса по обѣ стороны дороги, скрывался въ немъ и выпускалъ градъ пуль на подходившихъ; голова колонны должна была остановиться, а напиравшій сзади обозъ мѣшалъ свободному движенію. Простояли мы тутъ добрый часъ, если не болѣе, пока не удалось посланной въ чашу лѣса Грузинской милиціи, подъ начальствомъ князя Ильи Дмитриевича Орбеліани, очистить ее отъ засѣвшаго въ ней непріятеля. Невольная стоянка эта не обошлась даромъ: были тутъ убиты, между прочими, генералъ-маіоръ Фокъ, шуринъ корпуснаго командира Лидерса, и полковникъ Левисонъ; тяжело ранены полковникъ Семеновъ и Мельниковъ. Самъ главнокомандующій, принцъ Гессенскій, начальникъ главнаго штаба и вся ихъ свита, во все время, находились подъ ружейными выстрѣлами.

Припоминаются мнѣ, при этомъ, два частные эпизода. Адъютантъ графа Воронцова, Глѣбовъ, замѣтивъ, что сей послѣдній подвергался опасности отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, производившихся съ правой стороны, сталъ, какъ бы случайно, передъ нимъ такъ, чтобы собою

прикрыть своего начальника. Графъ Михаилъ Семеновичъ, со своей стороны, увидѣвъ такое намѣреніе своего адъютанта, но не желая, повидимому, дать это понять, сказалъ: „Любезный Глѣбовъ, ты мѣшаешь мнѣ смотреть“. Нѣсколько измѣнивъ свое положеніе, храбрый Глѣбовъ продолжалъ, по возможности, становиться между выстрѣлами и своимъ начальникомъ; въ счастью, оба они остались невредимы. Другой случай былъ лично со мною. Стоялъ я неподалеку за главнокомандующимъ, держа подъ узцы свою лошадь; рядомъ со мною стоялъ Англичанинъ, по имени Джимъ, грумъ (groom) графа Воронцова, держа лошадь своего господина. Пролетали и мимо насъ пули. „Вамъ бы слѣдовало съѣсть“, говоритъ мнѣ Англичанинъ: „стоя вы напрасно себя болѣе подвергаете выстрѣламъ“.—„А вы зачѣмъ повтому не садитесь?“ отвѣчалъ я. „Обо мнѣ нечего заботиться“, возразилъ мнѣ Джимъ. Очень меня тронули эта заботливость и это Британское хладнокровіе. Благодаря Бога, и насъ обоихъ пули миновали.

Когда заваль былъ расчищенъ, мы двинулись впередъ. На этомъ мѣстѣ непріятель сосредоточилъ главное сопротивленіе, ибо столь упорнаго мы уже не встрѣчали; но движеніе было крайне медленное, и приходилось, въ особенности для провоза орудій и зарядныхъ ящиковъ, перерубать и скидывать въ сторону огромныя деревья, наброшенные поперекъ дороги, дабы служить завалами. Таковыхъ на пути, не болѣе какъ двухверстномъ, по лѣсу оказалось 23; авангардъ бралъ ихъ натискомъ, но не расчищая, все лѣлъ впередъ. Была-ли это съ его стороны ошибка, или вызванная обстоятельствами необходимость, судить не берусь; во всякомъ случаѣ она послужила въ пользу непріятелю, который успѣлъ прорвать связь между авангардомъ и главною колонною и нанести сей послѣдней чувствительныя потери. Когда, около 7 часовъ вечера, мы, наконецъ, достигли небольшой поляны, гдѣ заканчивался узкій хребетъ, на которомъ мы подвигались, то застали тутъ торжествующаго взятіе приступомъ 23 заваловъ, генерала Бѣлявскаго, который съ авангардомъ уже болѣе трехъ часовъ ожидалъ насъ. Несмотря на позднее время дня, было рѣшено двинуть впередъ авангардъ для занятія аула „Дарго“. Вслѣдъ за тѣмъ, въ самые уже сумерки, главнокомандующій, въ сопровожденіи принца Гессенскаго со штабомъ и свитою, отправился по тому же направленію. Спускъ отъ поляны оказался до такой степени крутой, что приходилось идти пѣшкомъ, ведя лошадей подъ уздцы; густота лѣса усиливала темноту наступавшей ночи. У подношья спуска былъ пригорокъ, отъ котораго второй, менѣе крутой спускъ, велъ въ долину Ансан.

За главнокомандующимъ имѣла слѣдовать часть колонны съ нѣкоторыми орудіями; но, при ночной темнотѣ и крутизнѣ горы, спускъ орудій оказался на столько труднымъ, что пришлось ограничиться двумя горными орудіями, подъ прикрытіемъ одной роты, которую повелъ майоръ Албрантъ; вся остальная колонна должна была отложить свое движеніе до разсвѣта. Но и въ ожиданіи этого небольшого прикрытія прошло не мало времени, не менѣе  $1\frac{1}{2}$  до 2 часовъ. Все это время наша группа, состоявшая изъ какихъ нибудь 200 человекъ, по большей части генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, сопровождавшихъ главнокомандующаго, и изъ его конвойной команды, просидѣла на пригоркѣ, отдѣленная отъ авангарда, который безостановочно подвигался къ Дарго, и отъ главныхъ силъ. Слышались, болѣе и болѣе удаляясь, ружейные выстрѣлы, которые батальнымъ огнемъ выпускали батальоны генерала Бѣлявскаго, что давало поводъ предполагать, что они встрѣчены непріателемъ; между тѣмъ, окруженные со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, мы не знали, заняты-ли онъ и не подвергнемся ли мы внезапному нападенію какой нибудь бродячей непріятельской шайки. Положеніе довольно странное! Посылали адъютантовъ въ колонну для полученія свѣдѣній и передачи приказаній; но имъ приходилось съ трудомъ карабкаться на гору и спускаться въ темнотѣ, а потому на эти сношенія уходило много времени. Наконецъ, когда было доложено, что рота съ двумя орудіями спустилась, мы тронулись и при лунномъ свѣтѣ пошли далѣе къ Дарго. На пути нашемъ, по неширокой полянѣ, окаймленной съ лѣвой стороны крутымъ ущельемъ, на днѣ котораго текла рѣка Аксай, мы не встрѣтили никакого непріятеля; но въ двухъ мѣстахъ, засѣвъ на противоположномъ берегу оврага, непріятельскія партіи угостили насъ ружейными залпами, къ счастью вполне безвредными.

Около 11-ти часовъ вечера мы присоединились къ авангарду, который расположился на бивакѣ по близости селенія Дарго. Порядочно проголодавшись, мы всѣ рады были найти варившійся въ котлѣ надъ разведеннымъ огнемъ супъ, расположились около него и приступили къ удовлетворенію голода; однако не долго оставались въ покоѣ: нѣсколько непріятельскихъ пуль, пущенныхъ по направленію огня, попали въ самый котелъ. Вся остальная ночь была тревожная. Зная, что главный отрядъ остался въ лѣсу и что только немногочисленный авангардъ находится передъ нимъ, непріятель нѣсколько разъ бросался въ шашки на цѣпь, охранявшую бивакъ, но къ счастью всегда былъ успѣшно отбрасываемъ. Генералъ Бѣлявскій всю ночь провелъ на ногахъ. Не думаю,

чтобъ и графъ Воронцовъ много успѣлъ отдохнуть; я же, благодаря моимъ 24 годамъ и отсутствію нравственной отвѣтственности, послѣ дневныхъ тревогъ, заснулъ такимъ крѣпкимъ сномъ, что только утромъ узналъ о ночныхъ событіяхъ. Съ 4 часовъ утра стали подходить передовыя части главной колонны, а къ 9 часамъ весь отрядъ былъ въ сборѣ въ Дарго. Лагерь былъ разбитъ на небольшой возвышенности вправо отъ аула.

И такъ главная цѣль, указанная столичными кабинетными стратегами повидимому была достигнута: мнимая столица Шамиля была занята. Но послѣ опыта вчерашняго дня невольно у многихъ надвигался вопросъ: „а затѣмъ что будетъ?“ Шамиль не замедлялъ выразить, насколько занятіе его столицы потрясло его духъ: только что лагерь былъ разбитъ, какъ вслѣдъ одно за другимъ непріятельскія ядра стали въ немъ ложиться и заставляли измѣнить его расположеніе, т. е. отодвинуть его вѣ выстрѣловъ. Ядра эти были пущены изъ орудій скрытно поставленныхъ на возвышенности, на лѣвомъ берегу Аксай, господствовавшей надъ долиною, въ которой былъ расположенъ Дарго. Признано было необходимымъ, не медля, согнать непріятеля съ этой позиціи, и того же 7-го Іюли была направлена туда колонна изъ семи батальоновъ пѣхоты, подъ начальствомъ генерала Лабинцова. Колонна переправилась черезъ Аксай, поднялась на гору безъ сопротивленія и не застала на горѣ непріятельскихъ орудій, заблаговременно увезенныхъ; но когда войска наши начали свое обратное движеніе, непріятель ожесточенно сталъ насѣдать и неоднократно вступалъ въ рукопашный бой. Потеря при отступленіи была чувствительная, до 200 человекъ убитыхъ и раненыхъ; въ числѣ первыхъ храбрый полковникъ Апшеронскаго полка, Познанскій; вторыхъ, т.-е. тяжело раненныхъ, полковникъ Корниловъ. Не успѣла наша колонна возвратиться въ лагерь, какъ и Шамилевскія орудія заняли свое прежнее мѣсто и возобновили стрѣльбу. Трудно и вѣроятно невозможно было сбить ихъ нашею артилеріею; сдѣланныя попытки не имѣли успѣха, по причинѣ, конечно, слишкомъ невыгоднаго положенія нашихъ орудій. Еслибы присутствіе Шамиля со сборищемъ и даже съ артилеріею на господствующей надъ нашимъ лагеремъ позиціи былъ единственный предметъ, вызывавшій заботливость начальства нашего, то съ нимъ вѣроятно довольно скоро бы примирились; ибо оно, въ сущности, было безвредное; гораздо, безъ сомнѣнія, болѣе озабочивалъ вопросъ о возможности продовольствовать отрядъ, въ случаѣ нѣсколько продолжительнаго пребыванія въ Дарго. Путь, пройденный наканунѣ, былъ единственный, по которому могли подходить тран-

спорты; между тѣмъ онъ представилъ столько трудностей и причинилъ столько потерь, что служить надежною коммуникаціонною линіею онъ очевидно не могъ. Опытъ, вскорѣ по необходимости сдѣланный, слишкомъ наглядно долженъ былъ въ этомъ убѣдить.

8-го и 9-го Іюля были проведены безъ особыхъ приключеній; въ первый изъ этихъ дней отслужена панихида по всѣмъ павшимъ въ дѣлахъ 6-го и 7-го числа воинамъ. Въ оба дня войска занимались изготовленіемъ рогатокъ, предназначавшихся, какъ объясняли, для предполагавшагося къ постройкѣ форта. Нѣсколько сомнѣваюсь въ существованіи дѣйствительнаго намѣренія основать тутъ укрѣпленіе, и полагаю, что работа эта имѣла цѣлю вводить непріятеля въ заблужденіе относительно дальнѣйшихъ нашихъ намѣреній, а быть можетъ и занимать нижнихъ чиновъ ручнымъ трудомъ, отвлекающимъ отъ праздныхъ думъ.

Пока начальство озабочивалось событіями послѣднихъ дней, а солдаты строили рогатки, мы, праздные чины отряда, развлекались осмотромъ достопримѣчательностей завоеванной столицы. Къ сожалѣнію, лучшіе ея памятники, домъ имама, мечеть, арсеналъ и пороховой магазинъ, представляли одні погорѣвшія развалины. Сохранилась, печальной памяти для бывшихъ въ плѣну Русскихъ офицеровъ, тюрьма, извѣстная подъ именемъ „Ямы“. Была она вполне достойна этого названія, представляя изъ себя темный подвалъ, подъ караульнымъ домомъ, безъ свѣта и какой-либо вентиляціи, сообщавшійся съ наружнымъ міромъ лишь посредствомъ отверстія въ полу караулки, снабженной дверью. Въ этомъ душномъ и смрадномъ помѣщеніи забирались на ночь, а иногда и днемъ, наши плѣнные офицеры, переносили всякія страданія и нуждались во всемъ. Наглядное описаніе такихъ печальныхъ дней могъ намъ, тутъ же на мѣстѣ, дать испытавшій лично ихъ тягость, князь Илья Дмитріевичъ Орбеліани: онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ въ плѣну у Шамиля, изъ котораго, сколько помнится, спасся удачнымъ бѣгствомъ. Сохранилась еще почти въ цѣлости такъ называвшаяся въ Дарго „Русская Слобода“; въ ней проживало около 200 человѣкъ Русскихъ дезертировъ; они завѣдывали артилеріею, подъ командою какого-то „Никитина“, также дезертира, который былъ Шамилевскимъ фельдцейхмейстеромъ. Пользовалась эта команда особеннымъ довѣріемъ Шамиля: онъ могъ рассчитывать на вѣрность людей, которые, покинувъ путь долга, не могли на него возвратиться изъ опасенія понести заслуженное наказаніе; хорошее же съ дезертирами обращеніе поощряло дезертирство. Домы въ Русской слободѣ были выстроены на Русскій образецъ

были при нихъ огороды и фруктовые деревья, а также мастерскія. Мѣстность, на которой находился аулъ Дарго, была весьма живописная; неширокая равнина между двухъ рядовъ лѣсистыхъ горъ была занята отчасти полями съ кукурузою, отчасти ауломъ съ садами; были кое-гдѣ и цвѣтники.

9-го Іюля шелъ цѣлый день дождь; онъ имѣлъ весьма прискорбныя послѣдствія для двухъ послѣдующихъ дней.

10-го Іюля, въ часъ пополудни, послышался сигнальный пушечный выстрѣлъ, съ перевала, по дорогѣ въ Анди. Это былъ условленный знакъ для извѣщенія, что прибылъ туда транспортъ съ провіантомъ для нашего отряда; нужно было отправить туда колонну для принятія онаго. Опытъ 6-го Іюля указывалъ на необходимость назначить колонну въ сильномъ составѣ; вошла въ оный чуть ли не половина наличнаго отряда. Главное начальство надъ колонною было возложено на генерала Клуге-фонъ-Клугенау, авангардомъ командовалъ генералъ Пассекъ, аррьергардомъ генералъ Викторовъ; сей послѣдній, очень почтенная личность, былъ начальникомъ жандармскаго управленія въ Тифлисѣ и участвовалъ въ походѣ изъ одной любви къ искусству. Адъютантъ главнокомандующаго, графъ Галатери, отправлялся курьеромъ къ Государю Императору съ донесеніемъ о занятіи Дарго. По распоряженію генерала Лидерса (который и въ бытность главнокомандующаго при отрядѣ сохранялъ главное надъ нимъ начальствованіе) съ этою колонною, кромѣ всѣхъ наличныхъ вьючныхъ лошадей и катеровъ, долженствовавшихъ поднять провіантъ и снаряды, слѣдовалъ на двухъ катерахъ гробъ покойнаго генерала Фока, для дальнѣйшаго затѣмъ его отправленія въ Россію. Думаю, что графъ Воронцовъ не возразилъ противъ такого распоряженія начальника отряда изъ одного лишь уваженія къ родственному чувству, его вызвавшему; но увѣренъ, что онъ въ послѣдствіи очень сожалѣлъ, что не воспротивился отправленію гроба съ покойникомъ: независимо неблагопріятнаго впечатлѣнія, которое присутствіе гроба могло производить на солдатъ, цѣль генерала Лидерса не была достигнута, и у гроба этого легло еще нѣсколько жертвъ. Гробъ былъ прикрѣпленъ къ двумъ катерамъ, одному спереди, другому сзади; когда въ лѣсу эти два катера были отбиты непріателемъ, они, упавши, составили искусственный завалъ, у котораго было убито нѣсколько человѣкъ, а тѣло генерала Фока пришлось бросить на поруганіе.

Съ напряженнымъ вниманіемъ и, должно сознаться, съ трепетнымъ сердцемъ, слѣдили мы за слышавшимися изъ знакомаго лѣса, учащенными выстрѣлами; испытавъ всѣ трудности этой мѣстности, очевидно увеличившіяся

отъ грязной дороги, мы всѣ были не безъ серьезныхъ опасеній за участь колонны. Опасенія эти, на слѣдующее утро, къ сожалѣнію, оправдались. Явился къ главнокомандующему молодецъ унтеръ-офицеръ Кабардинскаго полка, въ сопровожденіи одного товарища, и принесъ записку отъ генерала Клугенау. Храбрецы эти, вызвались добровольно на такой подвигъ, вооруженные одними штыками, пробрались они ночью черезъ занятый непріателемъ лѣсъ и, съ Божью помощью, благополучно дошли до лагеря. Очень сожалѣю, что не сохранились у меня имена этихъ молодцовъ; главнокомандующій хотѣлъ унтеръ-офицера тутъ же произвести въ прапорщики, но Кабардинецъ предпочелъ Георгіевскій крестъ. Изъ очень краткой записки генерала Клугенау и изъ разсказа его посланца выяснилось, что колонна съ чрезвычайнымъ трудомъ дошла, къ 10 часамъ вечера, до перевала, выдержавъ въ лѣсу сильный бой, причемъ убитъ генералъ Викторъ, и пришлось бросить два горныхъ орудія, которыя завязли въ грязи, а лошади были убиты. Въ 12 часовъ дня генералъ Клугенау предполагалъ выступить обратно съ транспортомъ. На обратномъ этомъ пути ожидали его еще бѣльшія трудности; непріятель, для котораго важнѣе было, чтобы колонна не возвратилась въ лагерь, нежели препятствовать ей дойти до перевала, сосредоточилъ всѣ свои усилія, дабы достигнуть этой цѣли. Положеніе же самой колонны было въ этотъ день гораздо труднѣе, нежели наканунѣ: ослабленная въ числительности отъ потерь, понесенныхъ убитыми и ранеными, она, независимо отъ вереницы навьюченныхъ провіантомъ и снарядами лошадей и катеровъ, должна была гнать цѣлое стадо рогатаго скота, предназначенное на мясную порцію для отряда; приходилось такъ растягиваться на узкой размытой дождемъ дорогѣ, что недоставало войскъ для прикрытія обоза на всемъ его протяженіи; присоединились къ этому встрѣчавшіеся на каждомъ шагѣ возобновленные завалы, изъ-за которыхъ, скрытый лѣсною чащею, непріятель наупоръ могъ выбирать свои жертвы.

11-го Іюля авангардомъ опять командовалъ генералъ Пассекъ. Велъ онъ свои войска съ особенною, едва ли вполнѣ оправдываемою, стремительностью; идя впереди и воодушевляя солдатъ своимъ примѣромъ, онъ, при взятіи одного изъ заваловъ, палъ геройскою смертію. Рядомъ съ нимъ былъ убитъ состоявшій при немъ молодой поручикъ Кирасирскаго полка, Ольшевскій, пресимпатичный юноша, который прибылъ на Кавказъ для участіи въ Даргинской экспедиціи. За авангардомъ слѣдовала колонна, положеніе которой съ каждымъ шагомъ дѣлалось труднѣе. Непріятель сначала направлялъ свои выстрѣлы преимущественно противъ вьючныхъ ло-

шадей и катеровъ; падали они десятками, а навьюченный на нихъ провіантъ оставался въ грязи; запружала, вмѣстѣ съ тѣмъ, дорогу павшая скотина. Убиты были также артилерійскія лошади отъ двухъ оставшихся горныхъ орудій. При невозможности тащить ихъ на рукахъ приходилось ихъ бросить; но не допустилъ того шедшій въ аррьергардъ Кабардинскій батальонъ, подъ начальствомъ полковника Ранжевскаго: одно изъ этихъ орудій солдаты вынесли на рукахъ, а другое заклепали. Во время этого побоища людей и животныхъ оказалъ особенное отличіе одинъ батальонъ Литовскаго полка, благодаря хладнокровію и мужеству командовавшаго имъ временно, во время экспедиціи, полковника Беклемишева \*). Изъ лагеря нашего навстрѣчу возвращавшейся колонны было послано подкрѣпленіе; одинъ батальонъ Кабардинскаго полка присоединился въ товарищамъ своимъ, бывшимъ въ аррьергардѣ и встрѣтилъ ихъ на полянѣ, на которой ночевала 6-го числа главная колонна. Въ то самое время, когда оба батальона соединились, палъ отъ непріятельской пули храбрый полковникъ Ранжевскій и командованіе обоими батальонами перешло къ командиру вновь прибывшаго, майору Тиммерману. Авангардъ и колонна уже спустились въ долину Аксая и приближались въ лагерь, когда Кабардинцы выдерживали еще послѣдній усиленный натискъ непріятеля, который неоднократно вступалъ въ рукопашный бой; но старая Кавказскія войска и въ этотъ разъ не помрачили своей славы: они не только успѣшно отражали нападеніи непріятельскія, но даже отвоевали у него часть забраннаго имъ рогатаго скота и отбитыхъ выюковъ; вынесли они не только всѣхъ своихъ раненыхъ, но немалое число такихъ, которыхъ предшествовавшія имъ войска не подобрали. Возвратились они, передъ вечеромъ, въ лагерь, гоня передъ собою отбитый скотъ и съ пѣсенниками во главѣ.

Такъ кончилась эта двухдневная экспедиція, получившая печально-памятное названіе „Сухарной“.

Нетрудно себѣ представить тяжелое впечатлѣніе, которое производила на всѣхъ въ лагерь нашѣмъ эта первая неудача въ походѣ, до того ознаменованномъ одними успѣхами. Генералъ Клугенау, который, во все время ожесточеннаго боя, выказывалъ обычную свою личную храбрость (хотя, судя по разсказамъ, будто бы не обладалъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, которыя одни предотвращаютъ замѣшательство), былъ нравственно потря-

---

\*) Нынѣ генералъ-лейтенантъ, состоящій при командующемъ Кавказскимъ военнымъ округомъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ.

сенъ; встрѣчались и личности, которыя не умѣли воздержаться отъ гласнаго выраженія своихъ опасеній за участь цѣлаго отряда.

Но во главѣ войскъ стоялъ человѣкъ испытанный въ бояхъ еще болѣе серьезныхъ, умѣвшій во всѣхъ случаяхъ сохранять невозмутимое наружное спокойствіе, которое, вселяя довѣріе, особенно драгоцѣнно въ трудныя минуты. Спокойствіе это не мѣшало ему оцѣнить всю важность событій двухъ предшествующихъ дней и придти къ заключенію, что, подъ вліяніемъ ихъ, существовавшія до того предположенія болѣе продолжительнаго пребыванія въ Дарго должны кореннымъ образомъ измѣниться. Сухарная экспедиція доказала невозможность правильнаго снабженія отряда необходимыми припасами; повторять неудачный опытъ было немыслимо. Между тѣмъ, наличный запасъ продовольствія могъ, даже при сокращенныхъ дачахъ, хватить не болѣе какъ на нѣсколько дней; артилерійскіе снаряды имѣлись также въ ограниченномъ количествѣ; госпитальныхъ запасовъ, при 800 приблизительно наличныхъ раненыхъ, оставалось уже такъ мало, что на заготовленіе корпіи пришлось употреблять часть палатокъ. Въ виду всего этого неудивительнымъ становится, что 12-го же Іюля было рѣшено уходить изъ Дарго, и уходить не медля, т.-е. на слѣдующій же день. Оставалось опредѣлить, какой для этого избрать путь? Ближайшій и знакомый для выхода изъ лѣсной полосы былъ обратный путь на Анди; но онъ представлялъ двойное неудобство: онъ прямо давалъ движенію отряда видъ отступленія и, слѣдовательно, открытаго признанія неудачи не только частной, но и общей для всего похода. Кромѣ того, этотъ путь былъ крѣпко занятъ непріателемъ, который, предполагая, что онъ будетъ избранъ, сосредоточилъ свои усилія, чтобъ увеличить средства сопротивленія на ономъ. Провезти по этой, тяжелыми для солдатъ воспоминаніями столь обильной дорогѣ, кромѣ сравнительно-многочисленной артилеріи и отряднаго обоза, нѣсколько сотъ раненыхъ, было признано неудобнымъ. Другой путь былъ путь, имѣвшій видъ наступательнаго, ведущій на Кумынскую плоскость или въ Чечню; онъ шелъ на Герзель-аулъ, или Грозную, черезъ Маюртупъ. По собраннымъ отъ лазутчиковъ и отъ бывшихъ при отрядѣ нѣсколькихъ мирныхъ Чеченцевъ свѣдѣніямъ путь на Герзель-аулъ оказывался болѣе удобнымъ; слѣдуя по лѣвому берегу Акса, разстояніе опредѣлялось приблизительно въ 50 верстъ.

Этотъ путь и былъ избранъ. Но дабы лучше, по возможности, обезпечить слѣдованіе отряда по пути до того неизвѣданному и по мѣстности, безъ сомнѣнія, лѣсной и пересѣченной, было признано желательнымъ, чтобы другой отрядъ, изъ Герзель-аула, двинулся на встрѣчу ма-

шему. Для этого надобно было послать соотвѣтствующія приказанія начальнику лѣваго фланга, генералу Фрейтагу; но выполненіе такого порученія представляло очевидную опасность для посланца, которому приходилось идти на крѣпость Грозную черезъ мѣстности занятыя враждебными населеніями. Нашелся Чеченецъ (имя его, къ сожалѣнію, я запамятовалъ) который взялся доставить записку, для большей осторожности, сколько помнится, писанную на Англійскомъ языкѣ; въ ней предписывалось, немедленно по полученіи, съ сподручными войсками идти въ Герзель-аулъ и оттуда подняться по долинѣ Аксая.—Независимо этого необходимо было увѣдомить полковника Бельгарда въ Анди о выступленіи главнаго отряда, дабы онъ одновременно снялся съ своей позиціи и отступалъ въ Кирик, присоединяя къ себѣ на пути гарнизоны укрѣпленныхъ постовъ, охранявшихъ коммуникаціонную линію. Нашелся и тутъ храбрецъ, который взялся доставить записку. Оба посланца благополучно исполнили свои порученія.

Въ вѣхъ совѣщаніяхъ и приготовленіяхъ прошелъ день 12 Іюля. Дабы скрыть отъ непріятеля предстоявшее наше движеніе, продолжалось и въ этотъ день изготовленіе рогатокъ, для имѣвшаго, будтобы, строиться укрѣпленія. Наибольшая часть вьючныхъ лошадей и катеровъ была предназначена подъ менѣ тяжело раненыхъ способныхъ ѣхать верхомъ; легко раненые должны были идти пѣшкомъ, а для тяжело раненыхъ изготовлялись носилки. Но, чтобы пріобрѣсти достаточное количество свободныхъ лошадей и катеровъ, необходимо было отказаться отъ перевозки палатокъ, и всѣ онѣ, за исключеніемъ уже обращенныхъ въ корпію, одной солдатской для главнокомандующаго и нѣкотораго числа для наиболѣе тяжело раненыхъ, были сожжены, въ ночь съ 12-го на 13-ое Іюля.

13-го Іюля, въ 6 часовъ утра, отрядъ выступилъ изъ Дарго. Приходилось, прежде всего, перейти довольно глубокой и съ крутыми берегами оврагъ, составлявшій ложе рѣки Аксая, по лѣвому берегу которой долженъ былъ идти нашъ путь; затѣмъ подняться на высоты, на которыя 7 Іюля направлялся генералъ Лабинцовъ. Имѣвшіяся свѣдѣнія, что непріятель ожидалъ насъ на пути въ Анди и на немъ сосредоточилъ всѣ свои силы, вполнѣ подтвердились; переходъ черезъ Аксай и подъемъ на гору совершились безъ затрудненія и почти безъ выстрѣла; равнымъ образомъ былъ затѣмъ перейденъ довольно глубокой оврагъ, встрѣтившійся на дальнѣйшемъ пути.

Когда непріятель замѣтилъ направленіе, которое приняло наше движеніе, онъ сталъ поспѣшно возвращаться на прежнюю свою позицію, которую мы уже оставили за собою, и подвезъ нѣсколько орудій, изъ которыхъ сталъ насъ обстрѣливать, но безвредно. Одинъ только нашъ аррьергардъ, состоявшій, изъ двухъ батальоновъ Кабардинскаго полка, подъ начальствомъ генерала Лабинцова, вступалъ въ дѣло съ непріятелемъ, блистательно совершая отступленіе какъ бы на учебномъ полѣ, не смотря на упорныя нападенія, которымъ онъ подвергался. На пути нашемъ встрѣчались отдѣльные хутора, которые предавались пламени; дома въ нихъ были большею частью похожи на Русскія избы, вѣроятно выстроенныя нашими дезертирами. Отрядъ ночевалъ близъ аула Цонтери, пройдя примѣрно 8 верстъ.

14-го Іюля былъ тяжелый день. Въ Цонтери расходились двѣ дороги: одна, по долинѣ Аксая, вела въ Герзель-аулъ, другая направлялась на Майрхутпъ и Большую Чечию. Непріятель не могъ знать, по которой изъ двухъ дорогъ мы направимся; вѣроятно благодаря этому выступленіе наше, въ 6 часовъ утра, совершилось довольно спокойно. Порядокъ движенія отряда установился слѣдующій: авангардъ, подъ начальствомъ генерала Бѣлявскаго, состоялъ изъ двухъ батальоновъ, одного Люблинскаго, другаго Апшеронскаго полка; этимъ послѣднимъ, на время экспедиціи, командовалъ полковникъ, графъ Стейнбокъ; но командованіе его въ это самое утро прекратилось, ибо онъ былъ раненъ пулею въ колѣно, настолько тяжело, что пришлось произвести ампутацію. Правая цѣпь была сформирована изъ двухъ батальоновъ Навагинскаго полка, подъ командою полковаго командира, полковника Бибикова; лѣвую цѣпь содержалъ батальонъ Куринскаго полка при полковомъ своемъ командирѣ баронѣ Меллеръ-Закомельскомъ. Аррьергардъ, какъ выше было указано, составили два Кабардинскіе батальона; непосредственное начальствованіе надъ ними подъ руководствомъ генерала Лабинцова, принадлежало полковому командиру, полковнику Козловскому. Остальныя войска составляли колонну подъ начальствомъ генерала Клугенау. Отрядный начальникъ, генералъ Лидерсъ, и главнокомандующій съ ихъ штабами и свитою шли во главѣ колонны. Нетрудно себѣ представить, какое протяженіе должна была на узкой арбынной дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ окаймленной лѣсомъ, преимущественно кустарнымъ, занимать колонна, въ составъ которой входили болѣе 800 раненыхъ, частью на носилкахъ, частью верхомъ, или пѣшкомъ, отрядная артилерія съ зарядными ящиками и сохранившійся еще обозъ. Развернуться было невозможно и, растянутая длиною вереницею, колонна не

могла быть достаточно прикрываема имѣвшимися для охраненія ея войсками.

Пройдя нѣсколько верстъ, по мѣстности сравнительно открытой, и не будучи въ это время серьезно тревожимы непріятелемъ, мы дошли до глубокаго оврага, составлявшаго ложе рѣчки, притока Ахсая. На противоположномъ берегу возвышалась крутая гора, большею частью покрытая лѣсомъ; на вершинѣ этой горы, отъ лѣса свободной, видѣлись непріятельскіе завалы. Въ право отъ насъ была другая возвышенность, тоже укрѣпленная завалами; между этими двумя лѣсистыми отрогами была поляна. Прежде нежели перевести колонну на ту сторону оврага, было признано необходимымъ сбить непріятеля съ его заваловъ. Для выполненія этого были направлены: на лѣвые завалы Куринскій батальонъ подъ начальствомъ графа Бенкендорфа, на правый войска правой цѣпи. Но взятіе заваловъ съ фронта оказалось не по силамъ, и пришлось послать войска въ обходъ. Атака Куринскаго батальона производилась какъ разъ напротивъ мѣста, гдѣ мы остановились. Пока наступающіе находились подъ прикрытіемъ лѣса (тутъ строеваго), они поднимались безпрепятственно; но какъ скоро они выходили на оголенную отъ лѣса верхнюю часть горы, на нихъ сыпался изъ завала градъ пуль, и видно было, какъ падали раненые офицеры и солдаты. Нѣсколько разъ храбрые Куринцы, водимые своими офицерами, пытались пройти это открытое мѣсто и броситься на непріятельскій завалъ; но каждый разъ они принуждены были отступать, унося своихъ раненыхъ. Только когда войска подошли въ обходъ завала, онъ былъ оставленъ непріятелемъ. Приблизительно тоже самое повторилось и съ правой нашей стороны. Въ числѣ раненыхъ оказались, между прочими, полковникъ графъ Бенкендорфъ и Бибиковъ и, командовавшій однимъ изъ наступавшихъ съ правой стороны батальоновъ, храбрый майоръ Албрандтъ; ему пришлось отрѣзать руку.—По очищеніи заваловъ, отрядъ перешелъ оврагъ и стянулся на полянѣ. Здѣсь, повидимому, начальство нѣкоторое время было въ неувѣренности о дальнѣйшемъ направленіи дороги, по которой приходилось слѣдовать отряду. Поляна, на которой мы находились, была съ трехъ сторонъ окружена высотами покрытыми густымъ лѣсомъ; никакой, сколько нибудь широкой дороги не было видно. Были при отрядѣ вожаки, но на сколько они заслуживали довѣрія, опредѣлить не берусь; мѣстность же, черезъ которую мы проходили, не была извѣдана, ибо сюда отряды наши никогда не проникали. Начальникъ главнаго штаба, генералъ-лейтенантъ Гурко, отправился на осмотръ; возвратившись, онъ подѣхалъ къ главнокомандующему, и близко

стоявшіе слышали его мало утѣшительный докладъ: „un océan de bois“ \*). Наконецъ, неизвѣстно мнѣ по чьему указанію, была набрана узкая дорога, которая вела въ лѣсъ на лѣвую отъ насъ сторону. Направился туда авангардъ, слышались вскорѣ ружейные выстрѣлы; затѣмъ, въ нѣкоторомъ уже отдаленіи, крики „ура“, послѣ которыхъ все стихло. Отправился затѣмъ генералъ Лидерсъ подъ небольшимъ прикрытіемъ пѣхоты, съ намѣреніемъ присоединиться въ авангарду. Оказалось въ послѣдствіи, что онъ въ это время не достигъ его, а былъ задержанъ заваломъ, который непріятель вторично занялъ въ тылу авангарда; пришлось генералу Лидерсу, прикрывшись бугромъ, ожидать въ такомъ положеніи прихода колонны. Сія послѣдняя двинулась, не зная, что ее ожидаетъ на пути; ибо посланные съ обѣихъ сторонъ, для установленія сношеній и для развѣданій, адъютанты главнокомандующаго Лонгиновъ, и генерала Лидерса графъ Бальменъ и Башиловъ были убиты на пути. Потянулась колонна по узкой дорогѣ, болѣе походившей на тропу чрезъ чащу лѣса иногда до того густую, что приходилось отодвигать нависшія сучья, и вывела насъ эта тропа на болѣе широкую дорогу, которая вѣнчала хребетъ, гдѣ былъ завалъ атакованный передъ тѣмъ Куринцами. Дорога эта вела на поляну, входъ на которую былъ защищенъ заваломъ, гдѣ еще находился непріятель. Пока вереница раненыхъ и въюговъ пробиралась черезъ чащу, шайка непріятельская, подъ прикрытіемъ лѣса, успѣла ворваться въ колонну и проникнуть до раненыхъ, изъ которыхъ нѣкоторые были изрублены. Такая же участь могла постигнуть раненаго графа Бенкендорфа, котораго несли на носилкахъ, еслибы сопровождавшій его, прикомандированный къ Куринскому батальону поручикъ, баронъ Шепингъ не защитилъ его, убивъ на мѣстѣ, изъ пистолета, одного изъ Чеченцевъ напавшихъ на беззащитнаго раненаго. Графъ Бенкендорфъ отдѣлался кинжальными ранами неопасными, а защитникъ его былъ раненъ пулею въ животъ, въ счастью неопасно. Переполохъ, произведенный этимъ нападеніемъ, былъ непродолжительный и нанесенный вредъ незначительный. Ворвавшіеся были частью убиты, частью бѣжали; но въ головѣ колонны, гдѣ были слышны шумъ и крики, причина которыхъ сначала не была извѣстна, впечатлѣніе произведенное на лицъ начальствующихъ, въ томъ числѣ и на главнокомандующаго, выразилось, въ томъ, что всѣ обнажили свои сабли или шашки, ожидая нападенія; на шедшихъ же съ обѣихъ сторонъ солдатъ чѣмъ-то весьма похожимъ на панику; но она, на этотъ

---

\*) Океанъ лѣса.

разъ, принесла пользу. Находясь вблизи графа Воронцова, видѣлъ я пробѣгавшихъ солдатъ, которые кричали „ура“, но съ выраженіемъ на лицахъ не соответствовавшимъ смѣлому возгласу. Застѣвъ еще въ завалѣ при выходѣ на долину непріятель, услышавъ приближавшіеся крики, но къ счастью не видя довольно безпорядочной бѣготни, вообразилъ себѣ, что на него дѣлается рѣшительный натискъ, очистилъ завалъ и тѣмъ далъ возможность колоннѣ безпрепятственно выйти на долину и, освободивъ генерала Лидерса изъ временной блокады, возстановить связь съ авангардомъ.

Послѣ короткаго привала, во время котораго весь отрядъ стянулся, мы пошли далѣе по пересѣченной, но отъ лѣса свободной мѣстности и, оставивъ въ сторонѣ аулъ Шуани (до котораго въ 1842 г. доходилъ генераль Граббе, въ неудачную свою экспедицію), мы, подъ начавшимся дождемъ, переправились черезъ глубокій оврагъ и остановились на ночь близъ аула Гвалдари. Прошли мы въ этотъ день, примѣрно, отъ 8 до 10 верстъ.

15-го Іюля выступленіе не могло совершиться рано по той причинѣ, что, вслѣдствіе проливнаго дождя, который шелъ всю ночь, аррьергардъ и часть артилеріи не успѣли съ вечера перейти черезъ глубокій оврагъ, находившійся впередъ нашей стоянки, и пришлось ожидать ихъ прибытія. Тутъ же былъ похороненъ убитый наканунѣ адъютантъ главнокомандующаго, Лонгиновъ. Особенно горестное чувство испытывалъ я, когда предавали враждебной землѣ тѣло добраго товарища дѣтства, любимого сына родителей.—Въ этотъ день генераль Лидерсъ, который подвергался хроническому недугу, по временамъ усиливавшемуся, былъ настолько боленъ, что, съ трудомъ сидя на лошади, не могъ исполнять обязанностей начальника отряда. По этому поводу графъ Воронцовъ принялъ лично непосредственное начальствованіе. День обошелся мирно. Подвигались медленно, прошли не болѣе 4—5 верстъ по мѣстности пересѣченной, но открытой; встрѣча съ непріятелемъ ограничилась незначительною перестрѣлкою въ цѣпяхъ и въ аррьергардѣ. Ночевали на бивуакахъ близъ аула Аллерой.

16-го Іюля былъ опять день трудный. Дорога наша пролегла не въ дальнемъ отъ рѣки Аксан разстояніи, по лѣсу, преимущественно орѣшнику, мѣстами густосплошному, мѣстами перерѣзанному полянами. Пришлось, между прочимъ, проходить подъ невысокимъ лѣсистымъ хребтомъ; вершина его была занята непріятельскимъ заваломъ, изъ котораго про-

ходившія войска обстрѣливались на весьма близкомъ разстояніи; оказалось необходимымъ этотъ завалъ очистить, на что потребовалось немало времени. Куринскій батальонъ, занимавшій лѣвую цѣпь, это исполнилъ. Но и впереди насъ путь оказался, въ нѣкоторыхъ удобныхъ для того мѣстахъ, загражденнымъ завалами, которые авангардъ долженъ былъ брать приступомъ, причемъ прерывалась неоднократно связь между нимъ и колонною, что давало поводъ непріятелю иногда прорываться. Обстоятельство это заставило, для огражденія безопасности главнокомандующаго, который ѣхалъ вслѣдъ за авангардомъ, вытребовать изъ аррьергарда роту Кабардинцевъ, которая составила личную охрану графа Воронцова и лицъ непосредственно его сопровождавшихъ. Съ правой нашей стороны, въ мѣстахъ, гдѣ густота лѣса тому благопріятствовала, непріятельскія шайки нѣсколько разъ пытались ворваться въ средину колонны; но попытки эти были безуспѣшны и производили только минутный переполохъ. При большой растянутости, обусловленной узкостью дороги, въ лѣсной чащѣ, охраненіе всей линіи было весьма трудно; слышны были, въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи, крики Чеченцевъ, свистъ пуль, на который наши солдаты отвѣчали на удачу батальнымъ огнемъ, вѣроятно для противника безвреднымъ, ибо онъ не былъ видѣнъ. При подобныхъ условіяхъ и при необходимости частыхъ остановокъ для очищенія дороги, движеніе отряда, въ этотъ день, было очень медленное. Прошли мы не болѣе какъ отъ 4 до 5 верстъ, и только передъ вечеромъ вышли на довольно обширную поляну при урочищѣ Шаухаль-Берды.

Здѣсь рѣшено было остановиться въ ожиданіи извѣстій отъ ген. Фрейтага. Шаухаль-Бердинская поляна опускалась отлого къ рѣкѣ Аксая; болѣе близкая къ рѣкѣ часть была обнажена отъ лѣса. Тутъ расположились штабъ и часть отряда; болѣе отдаленная, возвышенная часть была осынена деревьями. Здѣсь, на сколь возможно удобнѣе, были помѣщены раненые, число которыхъ въ продолженіе послѣднихъ четырехъ дней почти постоянного боя естественно увеличилось и, сколько помнится, превышало 1200 человекъ; вокругъ всего расположенія размѣстились разныя части войскъ. Правый берегъ Аксая, болѣе возвышенный, командовалъ всею мѣстностью, нами занятою.

Устроивъ себѣ, вмѣстѣ съ Щербининымъ, небольшой шалашъ, неподалеку отъ мѣста, гдѣ была разбита единственная у насъ солдатская палатка, въ которой помѣщался главнокомандующій, я, утромъ 17 Іюля, былъ пробужденъ отъ сладкаго сна шумомъ пролетаващаго недалеко и

въ землю ударившагося ядра: оказалось, что Шамиль ночью занялъ возвышенную позицію напротивъ нашего расположенія, на правомъ берегу Аксай и, поставивъ тамъ три орудія, обстрѣливалъ нашъ лагерь. Главною цѣлью своихъ выстрѣловъ горцы избрали палатку главнокомандующаго. Къ счастью, ихъ артиллеристы не оказывались искусными въ стрѣльбѣ; ибо, выпустивъ въ продолженіе дня до ста снарядовъ, они причинили потерю убитыми только двухъ рядовыхъ и нѣсколько лошадей. Сдѣланная съ нашей стороны попытка отвѣчать на непріятельскій артиллерійскій огонь не имѣла успѣха, въ виду невыгодности мѣста; необходимость же сберегать, для могущихъ еще впереди встрѣтиться нуждъ, уже значительно оскудѣвшій запасъ артиллерійскихъ снарядовъ, побудила отказаться отъ попытокъ сбить непріятельскую батарею. Такимъ образомъ, Шамиль сохранилъ за собою монополію пушечнаго огня; онъ, впрочемъ, ею не злоупотребилъ, ибо на второй день нашей стоянки число выстрѣловъ значительно уменьшилось. Къ счастью, та мѣстность, гдѣ были помѣщены раненые, была внѣ выстрѣловъ. Сильно убѣждали окружавшіе графа Воронцова, чтобъ онъ, не подвергая себя напрасной опасности, приказалъ перенести свою палатку въ болѣе спокойную мѣстность; но онъ на это не согласился, дабы этимъ не произвести неблагоприятнаго нравственнаго впечатлѣнія на тѣ части войска, которыя, по необходимости, должны были оставаться подъ непріятельскими выстрѣлами; ограничился онъ тѣмъ, что приказалъ, неподалеку отъ своей палатки, устроить себѣ шалашъ, въ которомъ проводилъ день.

Такъ прошли 17-е и 18-ое Іюля; развлекались мы посѣщеніемъ знакомыхъ раненыхъ и собирались въ наши артели. Къ счастью, въ эти два дня погода была ясная, только нѣсколько жаркая.

Отъ генерала Фрейтага не имѣлось свѣдѣній; неизвѣстно было, дошелъ-ли до него посланецъ, отправленный изъ Дарго. Хотя стоянка наша имѣла преимущественною цѣлью выждать извѣстій, но продлиться долго она не могла уже потому, что провіантъ, который и безъ того раздавался въ сокращенныхъ размѣрахъ, былъ на исходѣ; тоже самое относилось и до снарядовъ. Поэтому было рѣшено, во всякомъ случаѣ, на слѣдующій день двинуться, хотя нужно было предвидѣть, что переходъ черезъ прилежавшій къ нашей стоянкѣ, на пути къ Герзель-аулу, глубокий и широкій лѣсистый оврагъ не обойдется безъ серьезнаго боя и что непріятель сосредоточить всѣ свои усилія, чтобы воспрепятствовать нашему переходу черезъ оный. Былъ это, какъ оказалось, послѣдній пунктъ

на пути нашемъ, на которомъ всѣ выгоды мѣстности были не въ нашу пользу.

Передъ вечеромъ, 18-го числа, на позиціи, которую занималъ Шамиль, было замѣчено необычное движеніе, ясно указывавшее на какое нибудь особенное событіе; общее вниманіе наше было возбуждено. Не прошло много времени, какъ послышались въ лагерь радостные крики: „наши идутъ“. Всѣ взоры обратились по направленію къ Герзель-аулу, и вскорѣ освѣщенные вечернимъ солнцемъ заблистали штыки: генералъ Фрейтагъ шелъ съ отрядомъ. Подошедъ къ противоположному берегу оврага, отдѣлявшаго его отъ насъ, онъ поставилъ нѣсколько легкихъ орудій, изъ которыхъ сталъ обстрѣливать позицію Шамиля, и она вскорѣ очистилась.

Излишне было бы распространяться о радостномъ чувствѣ, которое приходъ Чеченскаго отряда произвелъ въ нашемъ лагерь; всѣ лица разсвѣтлѣли. Какъ ни заманчива военная слава, какъ ни упоительны геройскіе подвиги, не вѣрю я, чтобы когда-либо, кто либо, будь онъ. Баярдъ, предпочиталъ опасность лишиться жизни надеждѣ ее сохранить. А потому естественно, что радость, произведенная приходомъ генерала Фрейтага, была всеобщая, отъ рядоваго до главнокомандующаго. Для сего послѣдняго она имѣла значеніе освобожденія отъ тяжелаго бремени заботы о жизни многихъ, которое онъ, въ продолженіе послѣдней недѣли, несъ съ такою необыкновенною стойкостью и наружнымъ, невозмутимымъ спокойствіемъ.

Бывъ безучастнымъ свидѣтелемъ всего происходившаго, со времени нашего выступленія изъ Дарго, находясь постоянно вблизи главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ, съ увѣренностью смѣю утверждать, что графу Воронцову отрядъ былъ обязанъ тѣмъ, что онъ выдержалъ испытаніе этихъ шести дней похода. Своею личностью, своимъ никогда не покидавшимъ его хладнокровіемъ, своимъ личнымъ примѣромъ и умѣніемъ поддержать духъ солдата, графъ Михаилъ Семеновичъ успѣлъ предотвратить гораздо болѣшія потери, а, быть можетъ, въ нѣкоторыя минуты, и гибель отряда. Достаточно бы было, въ критическіе дни 14 и 16-го Іюля, одного момента паники, иногда такъ внезапно овладѣвающей самыми лучшими войсками, тамъ гдѣ смерть настигаетъ отъ руки невидимаго врага, чтобы мы всѣ оставили свои кости въ Ичкеринскихъ трущобахъ.

19-го Іюля, утромъ, отрядъ нашъ тронулся на соединеніе съ отрядомъ генерала Фрейтага, который ожидалъ насъ на своей позиціи. Пришлось съ боя проходить отдѣлившій обѣ позиціи глубокій, густымъ мел-

кимъ лѣсомъ наполненный оврагъ; непріятель успѣлъ занять лѣсистый хребетъ съ лѣвой нашей стороны, командовавшій надъ оврагомъ, п оттуда поддерживалъ частый ружейный огонь. Узкая дорога, извивавшаяся въ оврагъ, производила на каждомъ шагу остановки, во время которыхъ мы подвергались непріятельскимъ выстрѣламъ; однимъ изъ нихъ былъ убитъ на носилкахъ раненый 14-го Іюля полковникъ Бибиковъ. Наконецъ, мы вышли на противоположную сторону оврага, и тутъ встрѣтили насъ храбрые Куриныцы, составлявшіе авангардъ Чеченскаго отряда. Были они одѣты въ чистыя бѣлыя рубашки, рѣзко отличавшіяся отъ загрязненной одежды выходившихъ изъ шестидневнаго боя солдатъ главнаго отряда. Главнокомандующій, привѣтствуя первыхъ встрѣтившихся ему Куринцевъ, улыбаясь сказалъ имъ: „Какіе вы, братцы, чистенькіе!“ — „Вы чище насъ, ваше сіятельство“, отвѣчалъ ему Куринскій унтеръ-офицеръ. Помню, съ какою жадностью мы, на привалѣ, насладились огурцами, принесенными изъ Герзель-аула; показались они намъ рѣдкимъ лакомствомъ.

Тутъ мы распростились съ Шамилемъ и съ его горцами. Сознаюсъ, что объ этой разлукѣ не сожалѣлъ я и благодарилъ Бога, что вышелъ невредимъ изъ опасностей, которыхъ никто не избѣгалъ; но до сего дня съ удовольствіемъ вспоминаю, что имѣлъ случай быть участникомъ въ этомъ знаменательномъ походѣ.

19-го Іюля мы совершили переходъ небольшой, отъ 7 до 8 верстъ, до урочища Мискитъ, а 20-го Іюля, къ 6 часамъ вечера, соединенные отряды прибыли къ крѣпости Герзель-аулъ, расположенной на лѣвомъ берегу Аксаа. Ожидалъ насъ радушный и гостепріимный пріемъ коменданта крѣпости, полковника Клитгарева; заставилъ онъ молодежь скоро позабыть лишеніи прошлыхъ дней.

Даргинская экспедиція была окончена. Не отвѣчала она ожиданіямъ столичной кабинетной стратегики. Одна она, предписывая этотъ походъ, могла предположить, чтобъ экспедиція, предпринятая въ Іюнѣ и въ Іюлѣ мѣсяцахъ, въ глубь Ичкеріи, могла имѣть блистательный успѣхъ, способный произвести переворотъ въ военномъ нашемъ положеніи на Кавказѣ, или чтобы разореніе аула Дарго, мнимой столицы Шамиля, могло потрясти его значеніе въ Дагестанѣ и Чечнѣ. Вступая въ командованіе Кавказскими войсками, графъ Воронцовъ не могъ уклониться отъ выполненія задачи, которая была предначертана ему напередъ, и на которую возлагались

неосуществимыя надежды. Но если, въ общемъ итогъ, нужно признать Даргинскую экспедицію неудавшеюся и вынужденный „сухарною экспедиціею“ скорый уходъ изъ Дарго потерянными сраженіемъ: то съ другой стороны крайне прискорбно и досадно, въ отзывѣхъ объ этой экспедиціи, встрѣчать даваемое ей названіе: „злосчастной“. Не всякое вынужденное отступленіе заслуживаетъ такое наименованіе; доказалъ это, уже въ древности, Ксенофонтъ.

Бывъ лично свидѣтелемъ тѣхъ трудностей, которыми, въ глухой до-тогѣ неизвѣданной мѣстности, сопровождалось шестидневное движеніе отряда, до соединенія съ генераломъ Фрейтагомъ, тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, при которыхъ и спокойствіе духа военачальника, и стойкость солдатъ подвергались тяжелому испытанію, я, хотя и непризванный судья въ дѣлѣ военномъ, остаюсь убѣжденнымъ, что движеніе изъ Дарго въ Герзель-аулъ, при сбереженіи 1200 раненыхъ и неоставленіи въ рукахъ непріятеля ни одного даже малозначащаго трофея—это подвигъ достойный и Бородинскаго ветерана, и славной въ бояхъ Кавказской арміи.

**Баронъ Николай.**

Тбилисъ,  
Мартъ 1890 г.